

Світлана Алексієвич - лауреат Нобелівської премії

Бібліографічний огляд літератури

Светлана Алексиевич была награждена Нобелевской премией по литературе в 2015 году за пенталогию **“Красный человек. Голоса утопии”**, в которую вошли такие произведения, как **“Чернобыльская молитва”**, **“У войны не женское лицо”**, **“Последние свидетели”**, **“Цинковые мальчики”** и **“Время секонд-хенд”**. В

сообщении Нобелевского комитета говорится, что премия Алексиевич присуждена за творчество, “ставшее памятником страданию и мужеству в наше время”, и отмечается, что это решение было единогласно.

Светлана Алексиевич —родилась 31 мая 1948 г. в Ивано-Франковске (Украина) в семье военнослужащего. Отец — белорус, мать — украинка. После демобилизации отца из армии семья переехала на его родину — в Беларусь. Жили в деревне. Отец и мать работали сельскими учителями.

После окончания школы работала корреспондентом районной газеты в Наровле, ещё в школе писала стихи и газетные заметки. В 1967 стала студенткой факультета журналистики Белорусского государственного университета в Минске. Во время учёбы несколько раз была лауреатом республиканских и всесоюзных

конкурсов научных студенческих работ.

После университета была направлена на работу в Брестскую область — в районную газету. Работая в газете, одновременно преподавала в сельской школе. Через год её взяли на работу в Минск, в редакцию республиканской «Сельской газеты». А ещё через несколько лет она стала корреспондентом, а затем и заведующей отделом очерка и публицистики литературно-художественного журнала «Неман».

Дальнейшая писательская работа в 1975 году открывает ей дорогу в члены Союза журналистов СССР, в 1983 - в Союз писателей СССР.

С начала 2000 годов она эмигрировала в Италию, Францию из-за отрицательной позиции к президенту Белоруссии А. Лукашенко. С 2013 года снова живёт в Белоруссии. Воспитывает племянницу, дочь преждевременно умершей сестры.

С. Алексиевич пробовала себя, свой голос в разных жанрах — рассказы, публицистика, репортажи. Решающее влияние на её выбор оказал известный белорусский писатель Алесь Адамович и его известные книги «Я — из огненной деревни» и «Блокадная книга». Идея и разработка нового для белорусской и современной советской литературы жанра принадлежала Адамовичу. Он называл этот жанр по-разному, все время искал точную формулировку: «соборный роман», «роман-оратория», «роман-свидетельство», «народ, сам о себе повествующий», «эпически-хоровая проза» и т. д. Всегда она называла его своим главным Учителем. Он помог ей найти свой путь...

"Я долго искала себя, хотелось найти что-то такое, чтобы приблизило к реальности, мучила, гипнотизировала, увлекала, была любопытна именно реальность. Схватить подлинность - вот, что хотелось. И этот жанр - жанр человеческих голосов, исповедей, свидетельств и документов человеческой души мгновенно был мной присвоен. Да, я именно так вижу и слышу мир: через голоса, через детали быта и бытия. Так устроено мое зрение и ухо. И все, что во мне было, тут же оказалось нужным, потому что требовалось одновременно быть: писателем, журналистом, социологом, психоаналитиком, проповедником..."

Первое, что сразу бросается в глаза, когда открываешь абсолютно любую книгу Алексиевич — необычный жанр. По сути, это документальная проза: истории жизни людей сквозь призму важнейших для нашей страны событий XX века — второй мировой войны, войны в Афганистане, Чернобыльской катастрофы, перестройки. Второе, чем отличаются ее повести — особый художественный стиль, писательница переживает беды своих собеседников вместе с ними, словно бы пропуская эти страдания сквозь свое сердце.

Иметь дело с такими книгами — очень больно и страшно, но в тоже время — необходимо. Необходимо для того, чтобы чувствовать себя человеком, быть им.

Светлана Александровна Алексиевич говорит, что на каждую книгу уходило

от 4 до 7 лет её жизни. В период написания она встречалась и разговаривала с сотнями людей, свидетелями событий, о которых рассказывается в её произведениях. Эти люди, как правило, имели за спиной очень сложную судьбу: они прошли сталинские лагеря, революции, воевали на разных войнах или выжили в Чернобыльской катастрофе.

В 1983 была написана книга **«У войны не женское лицо»**. Два года она лежала в издательстве и не печаталась, автора обвиняли в пацифизме, натурализме, в развенчании героического образа советской женщины. Такие обвинения в те времена считались серьёзными. Тем более, что за Светланой тянулась давняя слава антисоветчицы и диссидентски настроенной журналистки.

Но грянули новые времена. В 1985 книга «У войны не женское лицо» вышла почти одновременно в московском журнале «Октябрь», белорусском издательстве «Мастацкая літаратура», а затем в «Советском писателе», в «Роман-газете».

Это книга о женщинах, которые воевали на фронте во время Великой Отечественной войны. Они были снайперами, лётчицами, танкистами, подпольщицами. Их видение и восприятие войны было совсем иным, чем у мужчин. Они более тяжело переживали чужие смерти, кровь, убийства. А по окончании войны у женщин-ветеранов начался второй фронт: им нужно было адаптироваться в мирной жизни, забыть об ужасах войны и снова стать женщинами: носить платья, туфли на каблуке, рожать детей.

Все, что мы знаем о женщине, лучше всего вмещается в слово «милосердие». Есть и другие слова — сестра, жена, друг, и самое высокое — мать. Но разве не присутствует в их содержании и милосердие как суть, как назначение, как конечный смысл? Женщина дает жизнь, женщина оберегает жизнь, женщина и жизнь — синонимы.

На самой страшной войне XX века женщине пришлось стать солдатом. Она не только спасала, перевязывала раненых, а и стреляла из «снайперки», бомбила, подрывала мосты, ходила в разведку, брала языка. Женщина убивала. Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на ее землю, на ее дом, на ее детей. «Не женская это доля — убивать», — скажет одна из героинь этой книги, вместив сюда весь ужас и всю жестокую необходимость случившегося. Другая распишется на стенах поверженного рейхстага: «Я, Софья Кунцевич, пришла в Берлин, чтобы убить войну». То была величайшая жертва, принесенная ими на алтарь Победы. И бессмертный подвиг, всю глубину которого мы с годами мирной жизни постигаем.

...Четыре мучительных года я иду обожженными километрами чужой боли и памяти. Записаны сотни рассказов женщин-фронтовичек: медиков, связисток, саперов, летчиц, снайперов, стрелков, зенитчиц, политработников, кавалеристов, танкистов, десантниц, матросов, регулировщиц, шоферов, рядовых полевых банно-прачечных отрядов, поваров, пекарей, собраны свидетельства партизанок и подпольщиц. «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья, отцы», — писал маршал Советского Союза А.И. Еременко. Были среди девушек и комсорги танкового батальона, и механики-водители тяжелых танков, а в пехоте — командиры пулеметной роты, автоматчики, хотя в языке нашем у слов «танкист», «пехотинец», «автоматчик» нет женского рода, потому что эту работу еще никогда не делала женщина.

Что же собрано в этой книге, по какому принципу? Рассказывать будут не знаменитые снайперы и не прославленные летчицы или партизанки, о них уже немало написано, и я сознательно обходила их имена. «Мы обыкновенные военные девушки, каких много», — приходилось мне слышать не раз. Но именно к ним шла, их искала. Именно в их сознании хранится то, что мы высоко именуем — народной памятью. «Когда посмотришь на войну нашими, бабьими, глазами, так она страшнее страшного», — сказала Александра Иосифовна Мишутина, сержант, санинструктор. В этих словах простой женщины, которая всю войну прошла, потом вышла замуж, родила троих детей, теперь нянчит внуков, и заключена главная идея книги.

«Когда бы мы ни родились, но мы все родились в сорок первом», — написала мне в письме зенитчица Клара Семеновна Тихонович. И я хочу рассказать о них, девчонках сорок первого, вернее, они сами будут рассказывать о себе, о «своей» войне.

«Жила с этим в душе все годы. Проснешься ночью и лежишь с открытыми глазами. Иногда подумаю, что унесу все с собой в могилу, никто об этом не узнает, страшно было...» (Эмилия Алексеевна Николаева, партизанка).

«Когда я расскажу вам все, что было, я опять не смогу жить, как все. Я больная стану. Я пришла с войны живая, только раненая, но я долго болела, я болела, пока не сказала себе, что все это надо забыть, или я никогда не выздоровлю. Мне даже жалко вас, что вы такая молодая, а хотите это знать...» (Любовь Захаровна Новик, старшина, санинструктор).

Мужчина, он мог вынести. Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла. Внучке стала рассказывать, а невестка меня одернула: зачем девочке такое знать? Этот, мол, женщина растёт... Мать растёт... И мне некому рассказать... Вот так мы их оберегаем, а потом удивляемся, что наши дети о нас мало знают...» (Тамара Михайловна Степанова, сержант, снайпер).

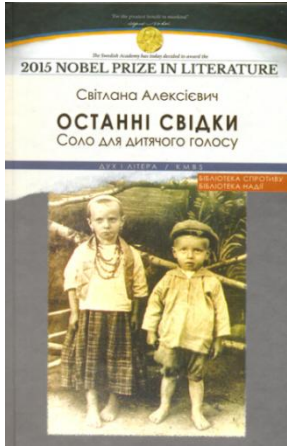
После войны так долго нельзя было привыкнуть, что уже не надо бояться неба. Когда мы с мужем демобилизовались и ехали домой, то я не могла смотреть в окно. Столько было разрушено, столько разбито... Стоят пустые черные трубы. Они почему-то казались очень высокими. В одном месте, помню, стояла посреди поля белая печка с трубой. Огня печка посреди большого ровного поля...

Я на все согласна. Ничего, никаких излишеств не надо. Пусть ничего не будет. Только пусть будет мир. Пусть даже хлеба не будет. Мир. Только мир. Понимаете, мир! Мы же этот мир спасали... Умирали за эту жизнь молодые ребята. О чем они жалели? Что вот они погибнут, нигде не останется их кровиночки. Это же четыре года войны, четырех детей можно было родить. Я тоже боялась умереть, что ребеночка еще не успела родить. Пусть бы, думала, родилась девочка, чтобы у нее была другая судьба. Хотелось именно девочку родить. И родила после войны дочь... Потом хотела именно внуку. И родилась после войны внука.»

Можно ли было победить народ, женщина которого в самый тяжелый час, когда так страшно качались весы истории, тащила с поля боя и своего раненого, и чужого раненого солдата? Можно ли поверить, что народ, женщина которого хотела родить девочку и верила, что у той будет другая, не ее судьба, что этот

народ хочет войны? Разве во имя этого женщина жизнь спасала, мир спасала — была матерью, дочерью, женой, сестрой и Солдатом?

Поклонимся низко ей, до самой земли. Ее великому Милосердию.

В 1985 году вышла и вторая книга, которая тоже около года ждала своего часа — **«Последние свидетели»**. Это воспоминания о Великой Отечественной тех, кому в войну было 6-12 лет — самых беспристрастных и самых несчастных ее свидетелей. Война, увиденная детскими глазами, еще страшнее, чем запечатленная женским взглядом. К той литературе, когда «писатель пописывает, а читатель почитывает», книги Алексиевич не имеют отношения. Но именно по отношению к ее книгам чаще всего возникает вопрос: а нужна ли нам такая страшная правда? На этот вопрос отвечает сама писательница: «Человек беспамятный способен породить только зло и ничего другого, кроме зла». «Последние свидетели» — это подвиг детской памяти.

Женя Белькевич — блет.

Сейчас — рабочая.

Июнь сорок первого года...

Я запомнила. Я была совсем маленькая, ноя все заповнила... Последнее, что я запомнила из мирной жизни — сказку, мама читала ее на ночь. Мою любимую — о Золотой рыбке. Я всегда у Золотой рыбки тоже что-нибудь просила: «Золотая рыбка... Миленькая золотая рыбка...». И сестричка просила. Она просила по-другому: «Пошущьему велению, по моему хотению...». Хотели, чтобы мы поехали на лето к бабушке, и чтобы папа с нами поехал. Он такой веселый.

Утром проснулась от страха. От каких-то незнакомых звуков...

Мама с папой думали, что мы спим, а я лежала рядом с сестричкой и притворялась, что сплю. Видела: папа долго целовал маму, целовал лицо, руки, а я удивлялась: никогда раньше он так ее не целовал. Водвор они вышли, держась за руки, я подскочила к окну — мама повисла у папы нашего и не отпускала его. Он оторвал ее от себя и побежал, она догнала и снова не пускает и что-то кричит. Тогда я тоже закричала: «Папа! Папа!».

Проснулись сестричка и братик Вася, сестричка смотрит, что я плачу, и она закричала: «Папа!». Выскочили мы все на крыльцо: «Папа!». Отец увидел нас и, как сейчас помню, закрыл голову руками и пошел, даже побежал. Он оглянуться боялся.

Солнце светило мне в лицо. Так тепло... И теперь не верится, что мой отец в то утро уходил на войну. Я была совсем маленькая, но мне кажется, я сознавала, что вижу его в последний раз. Больше никогда не встречу. Я была совсем... совсем маленькая...

Так и связалось у меня в памяти, что война — это когда нет папы...

А потом помню: черное небо и черный самолет. Возле шоссе лежит наша мама с раскинутыми руками. Мы просим ее встать, а она не встает. Не поднимается. Солдаты завернули маму в плащ-палатку и похоронили в песке, на этом же месте. Мы кричали и просили: «Не закапывайте нашу мамку в ямку. Она проснется, и мы пойдем дальше». По песку ползали какие-то большие жуки... Я не могла представить, как мама будет жить под землей с ними. Как мы ее потом найдем, как мы встретимся? Кто напишет нашему папе?

Кто-то из солдат спрашивал меня: «Девочка, как тебя зовут?». А я забыла. «Девочка, а как твоя фамилия? Как зовут твою маму?» Я не помнила... Мы сидели возле маминого бугорка до ночи, пока нас не подобрал и не посадили на телегу. Полная телега детей. Вез нас какой-то старик, собирал всех по дороге. Приехали в чужую деревню, и разобрали нас по хатам чужие люди.

Я долго не разговаривала. Только смотрела.

Потом помню — лето. Яркое лето. Чужая женщина гладит меня по голове.

Я начинаю плакать. И начинаю говорить... Рассказывать о маме и папе. Как папа

бежал от нас и даже не оглянулся... Как мама лежала... Как ползали жуки по песку... Женщина гладит меня по голове. Эти минуты я поняла: она похожа на мою маму...

Наташа Голик – 5 лет.

Сейчас – корректор.

Я научилась молиться... Часто вспоминаю, как в войну я научилась молиться... Сказали: война, я – и это понятно – в пять лет не воображала никаких картин. Никаких страхов. Но от страха, именно от страха, уснула. И спала два дня. Два дня лежала, как кукла. Все думали, что я умерла. Мама плакала, а бабушка молилась. Она молилась два дня и две ночи.

Я открыла глаза, и первое, что помню – свет. Яркий-яркий свет, необычайно яркий. Мне от этого света стало больно. Слышу чей-то голос, узнаю: это моей бабушки голос. Бабушка стоит перед иконой и молится. «Бабушка... Бабушка...» – позвала я ее. Она не оглянулась. Не поверила, что это я ее зову... А я уже проснулась... открыла глаза...

– Бабушка, – потом спрашивала я, – как ты молилась, когда я умирала?

– Я просила, чтобы твоя душа вернулась.

Через год умерла наша бабушка. Я уже умела молиться. Я молилась и просила, чтобы ее душа вернулась.

А она не вернулась.

Женя Селеня – 5 лет.

Сейчас – журналист.

Вто воскресенье... Двадцать второго июня...

Пошли с братом за грибами. Уже было время толстых боровиков-кокосовиков. Лесок наш небольшой, мы там знали каждый кустик, каждую полянку, где какие грибы растут, какие ягоды и даже цветы. Где иван-чай, а где желтый зверобой. Розовый вереск... Уже возвращались домой, когда услышали громовой гул. Гул шел с неба. Подняли головы: над нами штук двенадцать-пятнадцать самолетов... Они летели высоко, очень высоко, я подумал, что раньше наши самолеты так высоко не летали. Был слышен гул: у-у-у!

Тут же мы увидели нашу маму, она бежала к нам – плачущая, голос срывался. Таким и осталось впечатление от первого дня войны – мама не зовет ласково, как обычно, а кричит: «Дети! Мои дети!». У нее большие глаза, вместо лица – огни глаза...

Через два дня, наверное, к нам нахотел зашла группа красноармейцев. Запыленные, потные, с запекшимися губами, они жадно пили воду из колодца. И как же они ожили... Как просветлели их лица, когда в небе появилось четыре наших самолета. На них мы заметили такие четкие красные звезды. «Наши! Наши!» – кричали мы вместе с красноармейцами. Но вдруг откуда-то вынырнули маленькие черные самолеты, они крутились вокруг наших, что-то там трещало, гремело. Станный звук доходил до земли... Как будто кто-то рвет клеенку или полотно... Громко так. Я еще не знал, что так издали или с высоты трещат пулеметные очереди.

За падающими нашими самолетами потянулись красные полосы огня и дыма. Бабах! Красноармейцы стояли и плакали, не стесняясь своих слез. Я первый раз видел... Первый раз... Чтобы красноармейцы плакали... В военных фильмах, которые я ходил смотреть в наш поселок, они никогда не плакали.

Еще через несколько дней... Из деревни Кабаки прибежала мамина сестра – тетя Катя. Черная, страшная. Она рассказала, что в их деревню приехали немцы, собрали активистов и вывели за околицу, там расстреляли из пулеметов. Среди расстрелянных был и мамин брат, депутат сельского Совета. Старый коммунист. До сих пор помню слова тети Кати:

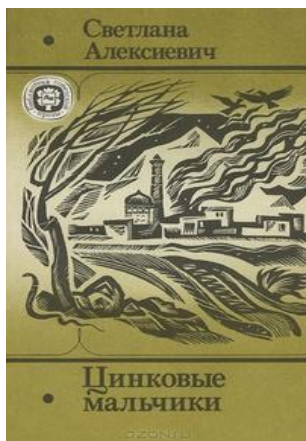
– Они ему разбили голову, и я руками мозги собирала. Они белые-белые.

Она жила у нас два дня. И все дни рассказывала... Повторяла... За эти два дня у нее

побелела голова. И когда мама сидела рядом стетей Катей, обнимала ее и плакала, я гладил ее по голове. Боялся.

Я боялся, что мама тоже станет белая...

В 1989 году вышла книга «**Цинковые мальчики**». Чтобы написать эту книгу, С. Алексиевич четыре года ездила по стране, встречалась с матерями погибших солдат и бывшими воинами-афганцами. Сама побывала на войне, летала в Афганистан. «Цинковые мальчики» - это история афганской войны, которая показывает ее ненужной и несправедливой, история последних лет советской власти, основательно подорванной этой войной. Книга проникнута болью матерей «цинковых мальчиков», понятно их желание знать правду о том, как и за что воевали и умирали в Афганистане их сыновья. Но, узнав эту правду, многие из них ужаснулись и отказались от нее. После выхода книги, которая произвела в обществе эффект разорвавшейся бомбы, многие не простили автору развенчание героического военного мифа. В 1992 г. в Минске был организован политический суд над автором и книгой «Цинковые мальчики». Но в защиту поднялась демократическая общественность, многие известные интеллектуалы за рубежом. Суд был приостановлен.

Война занимает в произведениях Светланы Алексиевич центральное место. Сама писательница объясняет это тем, что вся советская история связана с войной и пропитана ею. Она утверждает, что все герои и большинство идеалов советского человека – военные.

...На автобусной станции в полупустом зале ожидания сидел офицер с дорожным чемоданом, рядом с ним худой мальчишка, подстриженный под солдатскую нулевку, копал вилкой в ящике с засохшим фикусом. Бесхитростно подсади к ним деревенские женщины, выспросили: куда, зачем, кто? Офицер сопровождал домой солдата, сошедшего с ума: «С Кабула копают, что попадет в руки, тем и копают: лопатой, вилкой, палкой, авторучкой». Мальчишка поднял голову: «Прятаться надо... Я вырою шель... У меня быстро получается. Мы называли их братскими могилами. Большую шель для всех вас выкопаю...»

Первый раз я увидела зрачки величиной с глаз...

Автор

Я стою на городском кладбище... Вокруг сотни людей. В центре – девять гробов, обшитых красным ситцем. Выступают военные. Взял слово генерал... Женщины в черном плачут. Люди молчат. Только маленькая девочка с косичками захлебывается над гробом: «Папа! Па-а-почка!! Где ты? Ты обещал мне куклу привезти. Красивую куклу! Я нарисовала тебе целый альбом домиков и цветочков... Я тебя жду...». Девочку подхватывает на руки молодой офицер и уносит к черной «Волге». Но мы еще долго слышим: «Папа! Па-а-а-почка... Любимый па-а-почка...»

Генерал выступает... Женщины в черном плачут. Мы молчим. Почему мы молчим?

Я не хочу молчать... И не могу больше писать о войне.

Автор

Утром длинный, как автоматная очередь, звонок:

–Послушай,– начал он, не представившись,– читал твой пасквиль, если еще хоть строчку напечатаешь...

–Кто вы?

–Один из тех, о ком ты пишешь. Нас еще позовут, нам еще дадут в руки оружие, чтобы мы навели порядок. Придется вам ответить за все. Только печатайте побольше своих фамилий и не скрывайтесь за псевдонимами. Ненавижу пацифистов! Ты поднималась с полной выкладкой в горы, шла на Бэтээре, когда пятьдесят градусов выше нуля? Ты слышишь по ночам розковую вонь колючек? Не слышишь... Нет... Значит, не трогай! Это наше! Зачем тебе? Ты – баба, детей рожай!

–Почему не назовешь себя?

–Не трогай! Лучшего друга, он мне братом был, в целлофановом мешке с рейда принес... Отдельно голова, отдельно руки, ноги... Сдернутая кожа, как с кабана... Разделанная туша... А он на скрипке играл, стихи сочинял. Вот он бы написал, а не ты... Мать его через два дня после похорон в психушку увезли. Она на кладбище спала, на его могиле. Зимой спала на снегу. Ты! Ты... Не трогай это! Мы были солдатами, нас туда послали. Мы выполняли приказ. Я дал военную присягу. Знамя на коленях целовал.

–«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим». Новый завет. Евангелие от Матфея.

–Умники! Через десять лет все стали умниками. Хотите чистенькими остаться? А мы, значит, черненькие... Ты даже не знаешь, как пуля летит. Автомат в руках не держала... Плевать мне на ваши Новые заветы! Я свою правду в целлофановом мешке нес... Отдельно голова, отдельно руки... Другой правды нет...– И гудок в трубке, похожий на далекий взрыв.

Все-таки я жалею, что мы с ним не договорили. Может быть, это был мой главный герой...

Автор

– Десять лет я молчал... Молчал про все... В газетах писали: полк совершил учебный марш... Провел учебную стрельбу... Мы читали, и было обидно. Наш взвод сопровождал машины. Машину можно отверткой пробить, для пули она – мишень. Каждый день в нас стреляли, нас убивали. Убили рядом знакомого парня. Первого... на моих глазах. Мы еще мало знали друг друга... Из миномета стреляли. Умирал он долго, в нем сидело много осколков. Нас узнавал. Но звал незнакомых нам людей...

Перед отправкой в Кабул чуть не подрался с одним, а его друг от меня его оттаскивает.

– Что ты с ним ссоришься, он завтра летит в Афган!

Там у нас никогда так не было, чтобы у каждого свой котелок, своя ложка. Один котелок – все навалимся, человек восемь.

Но Афган – не детективная история, не приключение. Лежит убитый крестьянин – тщедушное тело и большие руки... Во время обстрела просишь (кого просишь, не знаю, Бога просишь): пусть земля расступится и спрячет меня. Пусть камень расступится... Собаки скулят. Жалобно скулят минно- розыскные собаки. Их тоже убивали, ранили. Убитые овчарки и люди, забинтованные собаки и люди. Люди без ног, собаки без лап. Не разобрать, где на снегу собачья кровь, а где человеческая. Сбросят в одну кучу трофейное оружие: китайское, американское, пакистанское, советское, английское – оно, я удивлялся, красивое, но это все для того, чтобы тебя убить. Страх! Мне не стыдно за этот страх. Страх человечнее смелости. Это я понял. Боишься и жалеешь, хотя бы самого себя... Оглядываешься вокруг, начинаешь замечать жизнь... Все останется жить, а ты исчезнешь. Не хочется думать, что будешь лежать невзрачный и маленький, за тысячу километров от дома. Уже в космос люди летают, а как убивали друг друга тысячи лет назад, так и убивают. Пулей, ножом, камнем... В кишлаках наших солдат вилами деревянными закалывали...

Рядовой, гранатометник

Построили и тут же объявили, что, мол, через несколько часов за нами прилетит самолет – мы направляемся в Республику Афганистан выполнять свой воинский долг. Присягу.

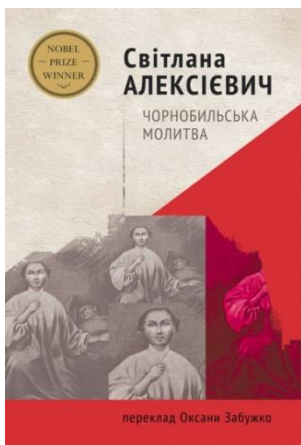
Что тут началось! Страх, паника превратили людей в животных – одних в тихих, других в разъяренных. Кто-то плакал от обиды, кто-то впал в оцепенение, в транс от этого невероятного, гнусного обмана. Вот для чего, оказывается, приготовили водку. Чтобы легче и проще с нами поладить. После водки, когда в голову ударил еще и хмель, некоторые солдаты пытались убежать, бросились драться с офицерами. Но лагерь оцепили солдаты с автоматами, они стали теснить всех к самолету. В самолет нас грузили как ящики, забрасывали в железное пустое брюхо. Так мы оказались в Афганистане... Скоро увидели раненых, убитых, услышали слова: „разведка“, „бой“, „операция“.

Мне кажется... Как я теперь понимаю, со мной случился шок...

Я стал приходить в себя, осознавать ясно окружающее лишь через несколько месяцев.

Когда моя жена спросила: „Как муж попал в Афганистан?“, ей ответили: „Изявил добровольное желание“. Такие же ответы получили все наши матери и жены. Понадобись моя жизнь, моя кровь для большого дела, я сам сказал бы: „Запишите меня добровольцем!“ Но меня дважды обманули: отправили на войну и не сказали правду, какая это война, – правду я узнал через восемь лет. Лежат в могилах мои друзья и не знают, как их обманули с этой подлой войной. Я иногда им даже завидую: они никогда об этом не узнают. И их больше уже не обманут.

Рядовой, водитель

В 1997 году Алексиевич закончила и опубликовала книгу **«Чернобыльская молитва»**. Она посвящена главной техногенной катастрофе XX века.

Книга «Чернобыльская молитва» не о Чернобыле, как пишет сама автор, а о мире после него. Люди, пережившие Чернобыль, добывают новые знания для всего человечества. Они уже живут после ядерной войны. Не случайно подзаголовочные данные книги- хроника будущего. . Светлана Александровна утверждает, что после аварии на ЧАЭС не только изменился генный код и формула крови населения большой страны, но и скрылся под водой весь социалистический материк.

«26 апреля 1986 г. в 1 час 23 минуты 58 секунд – серия взрывов разрушила реактор и здание 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС, расположенной вблизи белорусской границы. Чернобыльская катастрофа стала самой крупной технологической катастрофой XX века. Для маленькой Беларуси (население 10 млн. человек) она явилась национальным бедствием, хотя у самих белорусов нет ни одной атомной станции. Это по-прежнему аграрная страна, с преимущественно сельским населением. В годы Великой Отечественной войны немецкие фашисты уничтожили на белорусской земле 619 деревень вместе с их жителями. После Чернобыля страна потеряла 485 деревень и поселков: 70 из них уже навечно захоронены в земле. В Гомельской и Могилевской областях (наиболее пострадавших от чернобыльской катастрофы) смертность превысила рождаемость на 20%.

«Наш полк подняли по тревоге... Долго ехали. Ничего конкретного никто не говорил. Только в Москве на Белорусском вокзале объявили, куда нас везут. Один парень, кажется, из Ленинграда, запротестовал: "Я хочу жить". Ему пригрозили трибуналом. Командир так и сказал перед строем: "В тюрьму или под расстрел пойдешь". У меня были другие чувства. Все наоборот. Хотелось чего-то

героического. Испытать свой характер. Может быть, детский порыв? У нас служили ребята со всего Советского Союза. Русские, украинцы, казаки, армяне... Было тревожно и почему-то весело. Ну, привезли нас... Привезли на самую станцию. Дали белый халат и белую шапочку. Марлевую повязку. Чистили территорию. День выгребали, скоблили внизу, день – наверху, на крыше реактора. Всюду с лопатой. Тех, кто поднимался наверх, "аистами" звали. Роботы не выдерживали, техника сходилась с ума. А мы работали. Случалось – кровь из ушей шла, из носа. Першило в горле. Резало в глазах. Постоянно слышался монотонный звук в ушах. Хотелось пить, но аппетита не было. Физзарядка запрещалась, чтобы радиацией зря не дышать. А ездили на работу в кузовах открытых машин. Но хорошо работали. И очень этим гордились..."

«Мы въехали... Стоял знак "запретная зона". Я не был на войне, но ощущение чего-то знакомого... Откуда-то из памяти... Откуда? Что-то связанное со смертью... На дорогах встречали одичавших собак, котов. Иногда они вели себя странно, не узнавали людей, бежали от нас. Я не понимал, что с ними, пока нам не приказали их отстреливать... Дома опечатаны, колхозная техника брошена... Интересно посмотреть. Никого нет, только мы, милиция, патрулируем. Заходишь в дом – фотографии висят, а людей нет. Документы валяются: комсомольские билеты, удостоверения, похвальные грамоты... В одном доме взяли телевизор на время, напрокат, но чтобы кто-то что-то брал домой, я не замечал. Во-первых, было ощущение, что люди вот-вот вернуться... Во-вторых, это... что-то связанное со смертью... Ездили к блоку, к самому реактору. Фотографироваться... Хотелось дома похвастаться... Страх был и в то же время интерес непреодолимый: что же это такое? Я, например, отказался, у меня жена молодая, не рискнул, а ребята выпивали по двести граммов и ехали... Так... (Помолчав.) Вернулись живые – значит, все нормально.

Сверху... С высоты... Поражало количество техники: тяжелые вертолеты, средние вертолеты... МИ-24 – это боевой вертолет... Что можно было делать на боевом вертолете в Чернобыле? Или на военном истребителе МИ-2? Летчики. Молодые ребята... Стоят в лесу возле реактора, хватают рентгены. Приказ! Военный приказ! Но зачем было посылать туда такое количество людей, облучать? Зачем?! (Срывается на крик.) Требовались специалисты, а не человеческий материал. Сверху видно... Разрушенное здание, груды обвалившегося хлама...

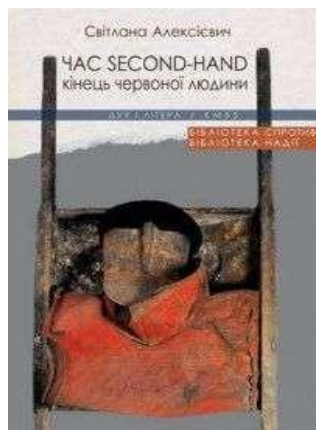
И гигантское количество маленьких человеческих фигурок. Стоял какой-то фээргэшевский кран, но мертвый, немного по крыше прошел и помер. Роботы умирали... Наши роботы, созданные академиком Лукачевым для исследований на Марсе... Японский робот, внешне похожий на человека... Но... У них, видно, сгорала вся начинка от высокой радиации. Солдатики в резиновых костюмах, в резиновых перчатках бегали... Такие маленькие, если смотреть с неба... Я всё запоминал... Я думал, что расскажу сыну... А приехал: "Папа, что там?" – "Война." Я не нашел других слов..."

«Брошенный дом... Закрытый. Котенок на окне. Думал, что он – глиняный. Подхожу: живой. Объял все цветы в горшках. Герани. Как он туда попал? Или его забыли? На дверях записка: "Милый прохожий, не ищи дорогих вещей. Их у нас не было. Пользуйся всем, но не мародерствуй. Мы вернемся". На других домах видел надписи разной краской: "Прости нас, родной дом!" С домом попрощались, как с

человеком. Писали: "уезжаем утром" или "уезжаем вечером", ставили число и даже часы и минуты. Записки детским почерком на листках из ученических тетрадок: "Не бей кошку. Крысы поедят все". Или: "Не убивай нашу Жульку. Она – хорошая". (Закрывает глаза.) Я все забыл ... Я помню только, что туда поехал, а больше ничего не помню. Я все забыл ... На третий год после дембеля что-то с памятью случилось... Даже врачи не понимают... Деньги сосчитать не могу – сбиваюсь. Скитаюсь по больницам... Я уже рассказывал или нет? Подходишь и думаешь – дом пустой. Откроешь – один кот сидит ... Ну и эти записки детские...

Отправил дочку с женой в больницу. У них по телу расплзлись черные пятна. То появятся, то исчезнут. Величиной с пятак... А ничего не болит... Их обследовали. Я спросил: "Скажите, какой результат?" – "Не для вас". – "А для кого же?" Вокруг тогда все говорили: умрем-умрем... К двухтысячному году белорусы исчезнут. Дочке исполнилось шесть лет. Ровно в день аварии. Укладываю ее спать, она мне шепчет на ухо: "Папа, я хочу жить, я еще маленькая". Я думал, она ничего не понимает... А она увидит в детском садике няню в белом халате или в столовой повара – с ней истерика: "Не хочу в больницу! Не хочу умирать!" Белый цвет не переносила. Мы даже в новом доме белые занавески поменяли. Вы способны себе представить сразу семь лысых девочек? Их в палате было семь... Нет, достаточно! Я кончаю! Когда я рассказываю, у меня чувство... вот сердце подсказывает: ты совершаешь предательство. Потому что я должен описывать её как чужую... Её мучения... Жена пришла из больницы. Не выдержала: "Лучше бы она умерла, чем так мучиться. Или мне умереть, чтобы больше не смотреть". Нет, достаточно! Я кончаю! Не в состоянии. Нет!

Я все вспомню... Люди поужажили, а кошек и собак оставили. Первые дни я ходила и разливала всем молоко, а каждой собаке давала кусок хлеба. Они стояли у своих дворов и ждали хозяев. Ждали людей долго. Голодные кошки ели огурцы... Ели помидоры... До осени я у соседки косила траву перед калиткой. Забор упал, забор ей прибила. Ждала людей... Жил у соседки песик, звали Жучок. "Жучок, – прошу, – если первый людей встретишь, – то крикни мне".

Завершающая, пятая книга знаменитого художественно-документального цикла Светланы Алексиевич **"Голоса Утопии"**
«Время секунд хэнд»

"У коммунизма был безумный план, - рассказывает автор, - переделать "старого" человека, ветхого Адама. И это получилось... Может быть, единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип - homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его "совком". Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он - это я. Это мои знакомые, друзья, родители". Социализм кончился. А мы остались. Монологи, вошедшие в книгу, десять лет записывались в поездках по всему бывшему Советскому Союзу.

После перестройки все ждали, когда откроют архивы. Их открыли. Мы узнали историю, которую от нас скрывали...

«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить» (Зиновьев, 1918).

«Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) неменьше 1000 завзятых кулаков, богатеев... отнять уних весь хлеб, назначить заложников... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...» (Ленин, 1918).

«Москва буквально умирает от голода» (профессор Кузнецов– Троцкому).– «Это не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставляю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете прийти и сказать: “Мы голодаем”» (Троцкий, 1919).

Люди читали газеты, журналы и молчали. На них обрушился неподъемный ужас! Как с этим жить? Многие встретили правду как врага. И свободу тоже. «Мы не знаем свою страну. Не знаем, о чем думает большинство людей, мы их видим, встречаем каждый день, но о чем они думают, чего хотят, мы не знаем. Но берем на себя смелость их учить. Скоро всё узнаем– и ужаснемся»,– говорил один мой знакомый, с которым мы часто сидели у меня на кухне. Я с ним спорила. Было это в девяносто первом году... Счастливое время! Мы верили, что завтра, буквально завтра начнется свобода. Начнется из ничего, из наших желаний.

Вперестройку все кончилось... Грянул капитализм... Девяносто рублей стали десятью долларами. На них– не прожить. Вышли из кухонь на улицу, и тут выяснилось, что идей у нас нет, мы просто сидели все это время и разговаривали. Откуда-то появились совсем другие люди– молодые ребята в малиновых пиджаках и с золотыми перстнями. И с новыми правилами игры: деньги есть– ты человек, денег нет– ты никто. Кому это интересно, что ты Гегеля всего прочитал? “Гуманитарий” звучало как диагноз. Мол, все, что они умеют– это держать томик Мандельштама в руках. Открылось много незнакомого. Интеллигенция до безобразия обнищала. В нашем парке по выходным дням кришнаиты устанавливали полевую кухню и раздавали суп и что-то там простенькое из второго. Выстраивалась такая очередь аккуратненьких стариков, что спазм в горле. Некоторые из них прятали свои лица. У нас к тому времени было уже двое маленьких детей. Голодали натуральным образом. Начали сженой торговать. Брали на заводе четыре-шесть ящиков мороженого и ехали на рынок, туда, где много людей. Холодильников никаких, через несколько часов мороженое уже текло. Тогда раздавали его голодным мальчишкам. Сколько радости! Торговала жена, а я то поднесу, то подвезу– все что угодно готов был делать, только не продавать. Долго чувствовал себя некомфортно.

«Вот советского было девяносто процентов... Я не понимала, что происходит. Помню, как выступал по телевизору Гайдар: учитесь торговать... рынок нас спасет... Купил на одной улице бутылку минеральной воды и продал ее на другой– это бизнес. Люди слушали с недоумением. Я приходила домой. Закрывала дверь и плакала. У мамы инсульт, так ее все это напугало. Может, они хотели что-то хорошее сделать, но им не хватило сострадания к собственному народу. Никогда не забуду стариков, просящих милостыню, они шеренгами стояли вдоль дороги. Застыренные шапочки, заштопанные пиджаки... Бегу на работу и с работы– боюсь глаза поднять... Работала я на парфюмерной фабрике. Вместо денег выдавали нам духи... косметику...»

Сейчас С. Алексиевич завершает работу над книгой под названием «Чудный олень вечной охоты». Это рассказы о любви: мужчины и женщины разных поколений рассказывают свои истории.

«Мне подумалось, — говорит автор, — что я до сих пор писала книги о том, как люди убивали друг друга, как они умирали. Но ведь это не вся человеческая жизнь. Теперь я напишу, как они любили... Любят... И опять мои вопросы — кто мы, в какой стране живём — через любовь... Через то, ради чего мы, наверное, и приходим в этот мир. Мне хочется любить человека. Хотя любить человека, трудно. Всё труднее».

Книги Светланы Алексиевич издавались в Америке, Германии, Англии, Японии, Швеции, Франции, Китае, Вьетнаме, Болгарии, Индии и т. д. Всего в 19 странах мира. Она — автор сценариев 21 документального фильма и трёх театральных пьес. Во Франции, Германии, Болгарии ставились спектакли по её книгам.

Список литературы

Алексієвич, С. Останні свідки: соло для дитячого голосу [Текст] / С. Алексієвич.- К.: Дух і літера, 2016.- 365 с.

Алексиевич, С. А. У войны не женское лицо [Текст]: документальная проза / С. А. Алексиевич. — Москва : Правда, 1988. - 462 с.

Алексиевич, С. Цинковые мальчики [Текст] / С. Алексиевич.- Москва: Известия, 1991.- 172 с.- (Библиотека советской прозы).

Алексієвич, С. Час second-hand (кінець червоної людини) [Текст] / С. Алексієвич.- К.: Дух і літера, 2016.- 464 с.

Алексієвич, С. Чорнобильська молитва: хроніка майбутнього [Текст]: роман / С. Алексієвич, переклад О. Забужко - К.: КОМОРА, 2016.- 285 с.

Алексиевич, С. «У нашей Победы два лица – одно прекрасное, а другое – страшное, все в рубцах – невыносимо смотреть»: из фрагментов не вошедших в книгу «У войны не женское лицо» / С. Алексиевич // Домашняя газ.- 2016.- 4 мая.- С.10.

.Букет, Є Світлана Алексієвич: «Людське серце складніше, ніж телевізор» / Є. Букент // Культура і життя.- 2016.-№ 15.-С.5..

Конарева, Л. Лауреат Нобелівської премії з літератури 2015 року письменниця Світлана Алексієвич: «Ви, українці, вирвалися в нове життя, вам можна позаздрити!» / Л. Конарева // Урядовий кур'єр.- 2016.- 14 квітня.-С.5.

Кручмк, І. Диктофон і жалейка / І. Кручик // Літ. Україна.- 2016.- 16 червня.- С.5.

КЗК «Міська бібліотека для дорослих» КМР, Кривий Ріг, 2018

Укладач : Золотарева М.Б.